

Алексей Митрофанов

Ярославль

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Ярославль. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Ярославль. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902118-2

Ярославль — один из самых уютных и приветливых провинциальных русских городов. Город комфортно раскинулся на берегу реки Волги. Есть в нем и гостиный двор, и классическое здание присутственных мест, и городской театр. Словом все то, за что мы любим русскую провинцию. Нет только кремля. Но не беда — кремлем здесь называют монастырь, стоящий в самом центре Ярославля.

ISBN 978-5-44-902118-2

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

По бывшему валу	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ярославль Городские прогулки

Алексей Геннадиевич Митрофанов

© Алексей Геннадиевич Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-2118-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ярославль – один из самых уютных и приветливых провинциальных русских городов. Если вы встанете посреди тротуара и о чем-нибудь задумаетесь, то, спустя секунд пятнадцать-двадцать, к вам непременно кто-нибудь подойдет и спросит, не нужна ли вам помощь. И в вопросе своем будет абсолютно бескорыстен.

Город комфортно раскинулся на берегу реки Волги. Есть в нем и гостиный двор, и классическое здание присутственных мест, и городской театр. Словом, все то, за что мы любим русскую провинцию.

Нет только кремля. Но не беда – кремлем здесь называют монастырь в самом центре города.

А еще в Ярославле имеется превосходная набережная, пешеходная улица и двухэтажный книжный магазин.

По бывшему валу

Ярославль старше Москвы, его история ведется с 1010 года. В 1463 году самостоятельное Ярославское княжество присоединилось к Московскому, а при Петре I, в 1722 году здесь была основана одна из крупнейших в стране полотняных мануфактур.

В 1747 году в городе начала функционировать Славяно-Латинская семинария, в 1778-м официально утвержден ярославский герб (естественно, с медведем и секирой), в 1786-м вышел первый номер первого российского провинциального журнала (назывался он «Уединенный пошехонец»), а с 1831-го стала издаваться и местная газета «Ярославские губернские ведомости».

Далее – история более-менее традиционная для губернских городов. 1860 – установление телеграфной связи (поначалу с двумя городами – Москвой и Архангельском), 1870 – начало железнодорожного сообщения с Москвой, 1883 – открытие водопровода, 1900 – запуск первого трамвая.

В 1948 году в городе появился планетарий, и это событие позволило Ярославлю окончательно расстаться с провинциальным статусом. Действительно, во фразе «В одном провинциальном планетарии...» есть что-то неестественное.

Голландский художник Карл Лебрень писал о Ярославле в 1702 году: «Самой город довольно обширен, почти четырехуголен и снаружи очень красив по множеству находящихся в нем каменных церквей. Есть в нем и дома каменные, но большая их часть деревянные, равно как и четыре моста, ведущие от домов к реке. В северной части с реки видны дома с каменной церковью. Со стороны суши он кажется красивее и огромнее, чем с остальных сторон, что зависит от красоты многих церквей, и поэтому его можно принять за один из лучших городов России. Здесь живет множество значительных купцов, изготавливается лучшая юфта, шетина и полотна; но особенно славится и достойна удивления красота здешних женщин, которые в этом отношении превосходят всех женщин России».

Полтора столетия спустя ему вторил писатель Иван Сергеевич Аксаков: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей – бездна, и почти не одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, а тут же Которосль (старое название реки Которосли – авт.) и Волга с набережными, с мостами и с перевозами. – Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т.е. мужика-землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстуком... Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перешеголять и самый Петербург».

Другой писатель, Борис Зайцев, примечал: «Ярославль начинается с извозчика, который вас везет. Говор на „о“, с сокращением гласных („понима-ть“, „зна-ть“) сразу дает круглое и крепкое впечатление русского. Очень здорового, симпатичного и способного народа, живущего тут. Это потом оправдывается повсюду: недаром ярославцы издавна слывут людьми прочными, жизненными и сметливыми».

О самих же ярославцах лучше всего сказано в заметке, опубликованной в 1850 году в газете «Ярославские губернские ведомости»: «Мужчины, почти все, одеваются летом в кафтаны, суконные и китайчатые, синие и других цветов, а зимой в шубы, полушубки и тулупы, крытые сукном, плисом, бумажною саржей и китайкой... подпоясываются более шелковыми,

нежели каламенковыми кушаками; на голове носят летом поярковые и пуховые круглые шляпы, а зимой немецкие и русские шапки; на ногах – сапоги и валенки. В немецком платье ходят и бороды бреют немногие.

Женщины одеваются так же, более в русское платье. Обыкновенный наряд их в летнее время, по праздничным и воскресным дням, составляют юбки, называемые здесь полушубками, холодные епанечки (юбки и полушубки), обложенные по краям широким золотым и серебряным позументом, парчовые, шелковые, штофные, гарнитуровые, канаватные, тафтяные, ситцевые, выбойчатые и проч... Этот же наряд служит и зимою; сверх того употребляются тогда теплые парчевые, бархатные, штофные и других материй епанечки с фракком и по краям собольими, кунными и прочими опушками, так же коротенькие, гарнитуровые, шелковые и китайчатые шубки на заячьем и беличьем меху, с рукавами, с высоким назади перехватом или лифом и множеством частых боров и складок. На голове носят шелковые простые или шитые золотом и серебром платки, с такою же по краям бахромою. На шею надевают снизки из многих ниток жемчуга, иногда с разными камнями, а при них еще снизку жемчужную же широкую для креста, а на руки зарукавные, простые или с камнями... Обуваются в башмаки и полубашмаки».

Идет такая ярославка – в коротенькой шубке на беличьем меху, вся обвешанная жемчугами, в полубашмаках – просто не дамочка, а сказка!

* * *

Ярославль компактен, все его достопримечательности можно обойти за день. Так, по крайней мере, кажется, когда смотришь на схему центра города.

С одной стороны, – это верно. Центр Ярославля и впрямь невелик. Все самое интересное находится внутри бывшего городского вала, и мы очень редко будем покидать его пределы. Однако есть обстоятельство, которое на схеме не отражено – Ярославль очень насыщен. Невозможно просто взять и пройти по его улице, обязательно собьетесь вы с маршрута из-за маленького, но уютненького магазина, частного музейчика, камерного парка или завлекательного и притом недорогого кафе.

Словом, пользоваться схемой можно, но только лишь для ориентации, а не для того, чтобы заранее спланировать время прогулки.

* * *

Главной ярославской достопримечательностью принято считать Спасский монастырь. Сами ярославцы называют его Городским кремлем.

И вправду, этот монастырь славен и прекрасен. Основанный в двенадцатом веке, он повидал на своем веку немало: здесь были созданы Спасское и Федоровское евангелие, написана икона Толгской богородицы, с честью монастырь держал осаду Тушинского вора.

Однако отношения между монахами и светским миром складывались иной раз неоднозначно.

Спасский монастырь очень ценили русские великие князья. Свою приязнь они старались выразить в различных льготах. Например, Иван Великий пожертвовал архимандриту монастыря право брать дань за переправу через Волгу и Которосль. И этот случай далеко не единственный.

Разумеется, люди посадские этим льготам не слишком радовались – ведь, по сути, они отбирались у города. А обитатели монастыря, поверив в собственную исключительность, просили все больше и больше. Например, в семнадцатом столетии они потребовали присоединить к монастырю часть городского вала. Мол, «тот городской осыпной вал от монастыря близко и над монастырскою стеною возведен высоко и с того осыпного городского вала в монастыре все видеть». И власти пошли навстречу.

Доходило до того, что горожане под предводительством купцов объединялись для борьбы с монастырем. И аргументация их была куда более внушительной. Например, купец Аникей Скрипин в бытность свою земским старостой взывал к тому, что лишь с его сибирских предприятий «идет в казну пошлина на год на 1000 рублей и больше».

Весы колебались то в одну, а то в другую сторону.

А в конце восемнадцатого века вспыхнул очередной скандал. Библиофил А. И. Мусин-Пушкин приобрел у Спасского монастыря единственный известный список с «Песни о полку Игореве». Сам Александр Иванович так описывал историю приобретения: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре на смирении до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной... с названием Хронограф, в конце, найдено „Слово о полку Игореве“».

Пошли пересуды – имел ли право бывший настоятель продавать литературу, прилично ли скупать библиотеку по дешевке, пользуясь нищенским положением владельца, да и вообще, не вынудил ли «комиссионер» бедного Иоиля силой? Но в 1812 году почти вся библиотека Мусина-Пушкина сгорела в знаменитом московском пожаре – и пересуды закончились.

Однако отношения монастыря с народом не наладились. Даже актер Щепкин, будучи в городе на гастролях, когда к нему пришел монах за подаванием, ответил остроумно, но глумливо: «До сих пор все, что давал мне Господь, я брал, но сам предложить ему что-нибудь не смею!»

Кстати говоря, одна из башен той обители использовалась преимущественно для спевков церковного хора. Причина такой щедрости начальства объяснялась просто: некогда в той башне удавился один из монахов, и в ней мало того, что жить, а даже и находиться опасались. Певчие же были людьми городскими и спокойно относились к неприятностям такого рода.

* * *

Некоторые, особо безответственные обыватели посвящали Спасскому монастырю и полагававшемуся в его стенах руководству епархии смелые вирши. Вот такие:

Протодьякон Лукич,
Да Алешка маляр
Всей епархией с подлостью правят;
А Владыка наш сыч,
Как последний школяр,
Все подпишет, что только представят.
И без них Архиерей
Не дойдет до дверей,
Упадет и уж больше не встанет...
И кричат подлецы:
«Эй, святые отцы!
Поднимайте – ведь вдруг кто растает!»

Автором этих строк был гражданин весьма достойный, гласный ростовской думы Андрей Александрович Титов, один из уникальнейших людей на Ярославщине. Его речи в думе заслуживают отдельного упоминания. Он, например, выступал перед гласными:

– Основание к учреждению родильного отделения, полагаю, для всех понятно: это – чело-веколюбие. Вероятно, до всех доходили рассказы ростовских врачей о том, что им нередко приходится бывать у бедных рожениц в таких помещениях, где зимою от холода, сырости, угара

и разных испарений не только нет возможности поправиться больному, но очень легко и здоровому заболеть, и потому все высказанное мною заявление сделано с единственной целью – насколько возможно, избавить матерей от подобной участи, а детей спасти от преждевременной смерти.

Иной раз предложения Титова были и вовсе неожиданными. К примеру, когда накопилась недоимка с горожан, лечившихся в земской больнице, но не расплатившихся, и дума размышляла, как бы эти деньги получить, он сказал:

– Городская дума заплатит всю недоимку... и кроме этого обяжется на будущее время уплачивать ежегодно за лечение несостоятельных мещан, не доводя управу ни до какого судебного процесса... Это будет, по моему мнению... гораздо лучше и полезнее, чем вести долгий процесс, сорить деньги и все-таки не быть уверенным, придется ли получить, или нет эту недоимку. Затем, господа гласные, я обращаюсь к нравственной стороне этого дела: те мещане, с которых следовало бы получить деньги, давно уже умерли, или ровно ничего не имеют, а потому приходится получить с людей, ни в чем не повинных, отнимать у них последнее жалкое имущество, продавать их бедные лачуги!

Любопытно, но предложение это было принято двадцатью семью голосами против двух – настолько мощной оказалась сила убеждения Титова.

При всем том, без стихотворных опусов он свою жизнь не мыслил. Мог, к примеру, шутки ради сочинить посвящение своему знакомому, некоему Оскару Якимовичу Виверту:

Омар Налимыч, не сердитесь,
Что рыба кличка вам дана;
Но я надеюсь – согласитесь,
Что Вы похожи на сома.

Впрочем, на Андрея Александровича редко обижались. Чаще преподносили ему книги с трепетными посвящениями: «Многоуважаемому Андрею Александровичу Титову, энергичному и талантливому труженику родной археографии, всегда готовому содействовать другим, дань признательности от редактора издания».

Андрей Александрович был деятелем «микеланджеловского» типа, то есть сочетал в себе множество разнообразных талантов. В том числе и талант настоящего хозяина: прикупив соседние участки, обустроил за своим особнячком прекрасный сад. Совершенно бесподобный, по воспоминаниям современников: «Какходишь – сразу бордюры из махровых левкоев, душистый табак, который распускался вечером с необыкновенным ароматом. Направо были розы на длинных грядках, эти розы из Франции выписывались... После роз был сиреневый кружок, диаметром 5 метров, небольшой, а в середине его лавочки. Дальше беседка очень красивая, большая, а в ней терраса, буфет с посудой (мы здесь пили чай), а далее еще беседка, ажурная, из длинных полос дерева, и в ней еще три лавочки.

В самом центре сада стоял фонтан, а в середине его – скульптура, ангел (мальчик с крыльшками) с трубкой, из нее вода лилась, разбрызгиваясь.

Направо от нее яблони росли, сливы и другие фруктовые деревья. А пруд какой был! В нем рыбы плавали».

Но все же главное, чем известен Андрей Александрович – это Ростовский кремль, восстановленный благодаря его усилиям.

Скончался этот уникальный человек шестидесяти семи лет от роду. Шел по бульвару и упал. Пока везли в больницу, умер. Слово он, будучи абсолютным альтруистом, не считал возможным никого обременять своей болезнью.

* * *

С приходом новой власти Спасский монастырь был упразднен – в нем разместился Артиллерийский музей. Однако эта победа радости городу не принесла – оказалась уж чересчур победоносной. Даже сейчас монастырь используется большей частью как музей – правда, уже не военного профиля. Но в том музее можно встретить и монашек, а перед Святыми воротами в 1997 году поставили новенькую часовню. Правда, странную, больше напоминающую игрушечный космический корабль с детской площадки.

* * *

«Монастырский» музей считается главным музеем города. Самый большой по территории, в центре города, с огромным количеством различных экспозиций, он пользуется небывалой популярностью у приезжих, особенно среди иностранцев.

Сами экспозиции хорошие, добротные, подчас оригинальные. К примеру, в зале, посвященном «Слову о полку Игореве», вы увидите не только письменные документы прошлого, но и реконструкцию рабочего места писца XI—XIII веков, и полное вооружение воинов русской и монголо-татарской армий XIV столетия. Самая же оригинальная из экспозиций называется «Посещение медведицы Маши».

За доступную плату вам продемонстрируют медведицу в клетке, которая живет в монастыре уже около двадцати лет (подобрана совсем маленьким медвежонком где-то на севере, в вологодских лесах), и расскажут о правилах поведения при неожиданной встрече с медведем. Ну, а потом предложат купить майку с Машиным портретом.

* * *

Перед монастырем – Богоявленская (а до революции просто Монастырская) площадь. Одна из самых крупных и, вместе с тем, самых нелепых в городе. Во всяком случае, здесь предусмотрено все для того, чтоб путешественник не смог преодолеть ее так, как ему удобно. Площадь полностью отдана автомобилям и автобусам, а в центре ее, с 1993 года, стоит угрюмый основатель города Ярослав Мудрый (скульптор О. Комов). Открытие этого памятника было делом государственного масштаба, ведь на церемонии присутствовал сам президент Борис Николаевич Ельцин.

В жизни города Монастырская площадь играла важнейшую роль. Вот, к примеру, одно из свидетельств – «Записки декабриста» А. Е. Розена: «Пока мы обедали, народ стал собираться на площади: в четверть часа так набилась она, что если бы бросить яблоко сверху, то оно не упало бы на снег, а легло на шапку или на плечо. Кони наши стояли внутри двора, а ворота были закрыты, сверх того два жандарма стояли с наружной стороны с голыми саблями. В коридоре встретили нас Шереметева и Якушкина и благословили образками на дорогу; когда мы сошли с лестницы, то фельдъегерь грозно прикрикнул: «Тройка фельдъегерская, вперед! Жандармы, смотри не отставать от меня!» Во дворе мы уселись в сани. Как только часовые отперли ворота, то мы стрелой пустились через площадь по узкому промежутку между бесчисленным народом; едва успел я снять шапку и поклониться народу, как все с поклоном сняли шапки и фуражки. Кони помчали прямо через Волгу.

В Чите рассказывал мне товарищ мой П. Б. Абрамов, следовавший также через Ярославль шестью днями раньше меня, что площадь была также покрыта народом».

Проезд опальных декабристов вообще был потрясением для ярославцев. Один из осужденных, И. Якушкин вспоминал: «11 ноября мы прибыли в Ярославль. Фельдъегерь представил меня губернатору, который объявил мне, что я имею позволение видеться с моим семейством. От губернатора мы отправились на свидание.

Увидев на мне цепи, жена моя, матушка ее и все с ними присутствующие встретили меня со слезами, но я какой-то шуткой успел прервать их плачевное расположение; плакать было некогда, и мы радостно обнялись после долгой и тяжелой разлуки. Тут я узнал, что жена моя

с детками и матушка ее год тому назад получили дозволение видетсья со мной в Ярославле, но им было не дано знать, когда повезут меня. Дежурный генерал Потапов знал всякий раз, когда требовался фельдъегерь для перемещения нас из крепостей в Сибирь, и всякий раз извещал об этом мою тещу; но кого именно повезут из нас, он и сам не знал. По этой причине семейство несколько раз переезжало из Москвы в Ярославль; первоначально оно пробыло тут месяц в томительном ожидании меня; потом опять жена моя с детьми, в сопровождении знакомой дамы и короткого моего приятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, приезжала в Ярославль, и они в продолжение почти месяца ожидали моего прибытия; наконец, и в этот последний раз меня ожидали здесь уже три недели».

Здесь же располагалась пастуховская гостиница, слава которой выходила за пределы Ярославля. Александр Дюма, в частности, писал: «В Ярославле – лучшая во всей России гостиница, единственная, возможно, где за вычетом двух столиц, можно найти настоящие постели».

Впоследствии в гостинице расположился переговорный пункт.

Вообще, междугородняя телефонная связь появилась в городе сравнительно недавно. Только в 1913 году газета «Голос» опубликовала сообщение: «Ярославль начал говорить с Москвой по телефону. Постоянное телефонное сообщение установилось. Как у нас уже говорилось, плата за 3 минуты разговора – 90 копеек, за каждую следующую минуту приплата 30 копеек. Не идет в счет время, употребленное для вызова. Желаящие беседовать с Москвой из своей квартиры вносят на телефонную станцию аванс за 10 разговоров, т.е. 9 рублей. Открытие телефона с Москвой давно уже ожидалось в торговых кругах».

Город Ярославль играл важную роль в смысле связи еще со времен Петра I. Именно здесь проходила (и до сих пор проходит) дорога, связавшая Москву и Архангельский город (переименованный впоследствии в Архангельск). Сам Петр сочинил указ, в котором разъяснялись правила торговых перевозок: «Гонять с их, Великих Государей, грамотами и со всякими иноземскими и торговых людей грамотками, а от Архангельского города к Москве с воеводскими и гостинными отписками и торговых людей грамотками же... День и ночь письма вести бережно, в мешках под пазухою, чтобы от дождя не замочить и дорогою пьянством не утратить».

Неизбежность пьянства в разудалую петровскую эпоху ставилась в один ряд с неизбежностью дождя.

Увы, со временем почтовые работники утратили статус важных государевых людей. А вместе с этим, разумеется, и потеряли в деньгах. Газета «Северный край» сообщала в 1906 году: «Нам передали, что почтовотелеграфным работникам Ярославской почтовотелеграфной конторы присланы «наградные» деньги к праздникам, но присланы в таких микроскопических размерах, что вряд ли можно эти «награды» назвать даже и «мизерными подачками», как их недавно величали.

Получено для всех служащих (более 150 человек), по слухам, 700 рублей. Старшим чинам и частицу будут выделять «постарше», а меньшим, понятно, наоборот. По распределению выходит на долю чиновников 6-го разряда целых два рубля за вычетом двадцати копеек в инвалидный капитал. На руки, значит, сии труженики получают чистоганом ровно по рублю восьмидесяти копеек!

Не правда ли: хорошее вознаграждение за труд в течение года почтовотелеграфным служащим и за ту «жаркую пору», какая им предстоит в наступающие праздничные дни. Надо бы ведь меньше «наградить», да нельзя!»

Кстати, современное название площади происходит от памятника семнадцатого века – Богоявленской церкви. До революции она была особо популярной – здесь служили молебны мученику Вонифатию, исцеляющему от тяжелого недуга под названием пьянство.

Сегодня храм – один из самых популярных туристических объектов.

* * *

Неподалеку (Которосльская набережная, 20) находилась консистория. Славой она пользовалась, мягко говоря, не очень хорошей. Ярославский уроженец С. В. Дмитриев в сердцах писал: «В консисторию без взятки не ходи, ни духовное, ни штатское лицо! Даже противно и стыдно становилось за людей, чиновников консистории, до чего они измельчали в своем взяточничестве, вернее лихоимстве! Когда, например, я усыновлял своих ребят, незадолго перед Первой мировой войной, то понадобилась мне справка из консистории о крещении детей, так как церковные книги (метрические) сдавались ежегодно в консисторию, куда я и явился за справкой. Ходил я раза три-четыре, наконец, мне один знакомый семинарист Михайловский сказал: „Да ты, Сергей Васильевич, дай чиновнику-то рублишко, вот и вся недолга, а то в наше божественное учреждение проходишь...“ Я так и сделал. Чиновник, взявший „руб-лишко“, предложил мне тут же сесть, сейчас же достал книгу, списал с нее что требовалось, сбегал поставить печать и „с почтением“ вручил мне нужную справку».

По словам Дмитриева, в Ярославле вообще церковное мошенничество было развито невероятно: «Приведу один пример: молящийся, придя в церковь, обычно ставит Богу свечку, кому он желает. Свечи были от 2 копеек, староста говорит богомольцам, что такое множество мелких свечей невозможно поставить, нужны слишком большие подсвечники, а мы соберем известную сумму и поставим одну большую свечу, за 1 рубль или дороже, сколько будет собрано на свечи празднику. Богомольцы, конечно, на это соглашались, им все равно, в каком виде дойдет до Бога их свечная жертва. Староста посчитает деньги, пошлет сторожа поставить свечу за 1 рубль, через некоторое время, по мере накопления денег, он опять делает то же. Свечи он ставит, но сколько он за время службы насчитывает денег, никто не знает. Уходя после службы, он запирает церковный ящик и ключи уносит с собой, конечно, и „причитающиеся“ ему деньги. Такие же махинации творились и с поминаньями, просфорами и т. п. Все религиозные отправления, обряды, самое священнослужение, – все имело свое основание, все зиждилось на деньгах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.